

Виржини
Гричарди



**ДЕНЬ, КОГДА
Я НАЧАЛА ЖИТЬ**

Бестселлер №1 во Франции. Уникальный почерк

Виржини Гримальди

День, когда я начала жить

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Гримальди В.

День, когда я начала жить / В. Гримальди — «Эксмо»,
2015 — (Бестселлер №1 во Франции. Уникальный почерк)

ISBN 978-5-04-252874-3

Дебютный роман Виржини Гримальди: о том, как перестать ждать и начать жить. Изящная, ироничная и по-настоящему целительная проза от самой читаемой писательницы Франции, входящей в топ-10 любимых авторов нации. Идеально для любителей прозы Валери Перрен. Настоящее путешествие начинается, когда ты говоришь себе «Да». К сорокалетию своего мужа Родольфа Мари подготовилась основательно: торт, мерцающие свечи, длинный список гостей и... главный сюрприз — она от него уходит. В тот же день, бросив вызов собственным страхам, Мари берет билет в один конец — в новую жизнь. Она поднимается на борт круизного лайнера и отправляется в кругосветное путешествие. В открытом море, среди шума волн и соленого ветра, судьба сводит ее с Анной, чье сердце разбито из-за предательства большой любви, и порывистой Камиллой, которая меняет поклонников как перчатки, давно перестав верить в прекрасных принцев. Вдали от привычных стен и душных ожиданий три женщины находят ту редкую дружбу, которая становится спасательным кругом. День за днем они выбрасывают за борт все, что до сих пор мешало им дышать, чтобы наконец обрести смелость и начать жить.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-252874-3

© Гримальди В., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Об авторе	7
Пролог	9
1	11
2	13
3	15
4	18
5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22



Виржини Гримальди

День, когда я начала жить

Virginie Grimaldi. Le Premier Jour Du Reste De Ma Vie

© Éditions Flammarion, Paris, 2025.

© Озерская Н., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Об авторе



Виржини Гримальди выросла в Бордо и мечтала стать писательницей столько, сколько себя помнит. Свой первый роман она написала в восемь лет в зеленой тетради, на последних страницах которой были напечатаны таблицы умножения.

Три года подряд Виржини Гримальди является самой читаемой французской писательницей. Ее книги стали бестселлерами в Европе и были переведены на двадцать языков.

«День, когда я начала жить» – дебютный роман автора.

Моим дорогим бабушке, маме и сестре

Пролог

– Голову даю на отсечение, что он ни о чем не догадывается. – Как всегда, в моменты раздражения и стресса Мари разговаривала сама с собой.

Она отложила миксер и посмотрела, хорошо ли перемешала ингредиенты. Скоро она закончит. Осталось только перелить тесто в форму и поставить в духовку. Стол сервирован, напитки ждут своего часа в холодильнике, воздушные шары надуты. С самого утра она хлопотала на кухне, чтобы подготовить все, что задумала давным-давно.

Несколько месяцев тому назад между теленовостями и вечерним фильмом муж заявил ей, что сыт по горло их совместной жизнью. «Как меня все это достало, – сказал он. – Нам нет еще и сорока, а мы живем как старики!»

Она поставила пару чашек с травяным чаем на журнальный столик – ему голубую, а себе розовую, и не произнесла в ответ ни слова. А ведь ей было что ему сказать. И фразы, готовые сорваться у нее с языка, точно были не самые приятные. Ведь это он больше интересуется телевизором, чем собственной женой. Он настоял на том, чтобы она прервала учебу и стала домохозяйкой. У него никогда не было времени, чтобы провести с ней вечер вне дома, не говоря уж о том, что она вообще не помнит, когда они отдыхали вместе. И он раз в месяц в качестве вознаграждения дарит ей свою любовь в незамысловатой позе миссионера. И он даже дошел до того, что больше не скрывает от нее свои любовные связи.

Она села на диван, подула на горячий чай и улыбнулась.

«Какая на тебе красивая пижама сегодня, дорогой».



Сегодня у него день рождения. Ему исполнилось ровно сорок лет, и Мари приготовила ему подарок, который он не забудет до конца своих дней.

Девятнадцать часов тридцать минут. Родольф закрывает на ключ дверь своего кабинета и идет к лифту.

Он знает, что Мари приготовила ему сюрприз, как она это делала на его двадцатилетие, а потом на тридцатилетие, и, разумеется, она сделает это и на сорокалетний юбилей.

Она, вне всякого сомнения, постарается сохранить в тайне свой сюрприз, но даже на это она не способна. Как-то раз, выходя из ванной, он застал ее разговаривающей о чем-то шепотом по телефону. «Это сюрприз», – сказала она ему. Но о каком сюрпризе вообще может идти речь? Ему и так заранее все известно. Он вернется домой, его друзья хором прокричат: «С днем рождения», он сделает вид, что удивлен и обрадован, ему вручат подарки, назовут его «стариком», выпьют шампанского, закусив до отвращения мерзким тортом, и потом он ляжет спать, сожалея, что провел этот вечер не с Наташей или с Леей. С кем угодно, но только не с Мари.



Мари внезапно охватила дрожь. Такого с ней давно не бывало.

Она еще раз обошла квартиру, чтобы убедиться, что ничего не забыла. Она освободила гостиную от части мебели, расставила на столе закуски: пиццу, тосты, кексы, капкейки, салаты в креманках, заранее вынула из холодильника напитки. Гости не замедлят появиться, а Родольф придет, как всегда, через двадцать пять минут, именно в тот момент, когда на экране промелькнут титры теленовостей.

Осталась только одна деталь.



Без десяти восемь. Родольф припарковал свой кабриолет возле дома и закурил сигарету. Он оттягивал момент возвращения. Как он вообще мог мириться с этой жизнью, которая ему опротивела? Ему даже не хотелось отмечать свой день рождения.

Он бросил окурок в урну, стоявшую возле подъезда, и нажал на ручку двери. «Делай вид, что доволен жизнью, делай вид, что тебя все устраивает», – повторял он про себя.

– С днем рождения, Родольф!

Они все здесь: его дочери, родители, родственники, друзья по факультету, коллеги, товарищи по игре в покер со своими женами, детьми, и вся эта шумная компания веселится, шутит, хохочет, чтобы доставить ему удовольствие, и все они вскоре по очереди подойдут и поздравят его.

– Ну, как ты себя чувствуешь в день сорокалетия?

– Возраст зрелости, старик!

– Ты и не выглядишь на свой возраст, так что беспокоиться не о чем...

– С днем рождения, папочка!

– Открой мой подарок первым, это маленький белый пакет.

– Мы так любим тебя, дорогой! Вот уже на протяжении сорока лет ты составляешь наше счастье!

– А как насчет кризиса сорокалетнего возраста? Ты его ощущаешь?

Его уже поздравили около пятнадцати человек, когда к нему подошел брат и, поцеловав, спросил:

– Род, ты видел конверт?

Он, конечно, не заметил его. До банального простенький конверт, лежащий в центре стола. Он вскрыл тысячи таких за свою жизнь. Но этот конверт внушал смутное беспокойство: закралось предчувствие, что послание в нем кардинально отличается от остальных.

Родольф, ты хотел, чтобы я тебя удивила? Думаю, я смогу это сделать: я ухожу от тебя.

Желаю веселого дня рождения!

Мари.

Р. S. Я пригласила Наташу, Изабель, Жеральдин, Лею, Сабину, Лор, Орели, Маржолен, Надю и других. Они придут к девяти часам со свечами. Если ты не сочтешь за труд их сосчитать, ты увидишь, что их ровно сорок. Тебе повезло! Ты сможешь одновременно зажечь их всех.

1

Мари впервые летела на самолете. Врач прописал ей антифобическое седативное средство, или, проще говоря, таблетки от страха. Но, поднимаясь по трапу, она не почувствовала никакого беспокойства, на самом деле она вообще мало что чувствовала в этот момент и даже не ощущала ни малейшего чувства вины. И сколько бы она ни представляла себе вчерашнего Родольфа, стоящего в полной растерянности посреди комнаты и пытающегося найти более или менее адекватное объяснение отсутствию своей верной женушки, ничто не могло бы поколебать ее решимости.

Конечно, у нее были сомнения, но только не в тот вечер, когда она приняла окончательное решение.

Это было в субботу. Родольф отправился играть в покер, дочери-близнецы, как всегда, приехали на выходные домой. Втроем они готовили на кухне закуски на вечер, который собирались провести, сидя перед телевизором. Жюстина рассказывала о стажировке в пиар-агентстве, Лили – о своих курсах актерского мастерства. Мари слушала их, наслаждаясь моментом. Это были лучшие мгновения недели – когда смех ее малышей звенел во всем доме. Вот уже год прошел с тех пор, как они выпорхнули из гнезда, чтобы продолжить учебу, образовав пустоту в домашнем очаге и лишив Мари аппетита. Их бесконечные споры, шутки и смех, беспорядок, который они устраивали, вносили разнообразие в ежедневную рутину. Ей было вполне достаточно того, что она слышит их.

Пелена с ее глаза спала, когда они собрались смотреть сериал.

Жюстина первой коснулась этой темы.

– Мама, мы хотели сказать тебе одну вещь, но поклялись, что ты постарайшься все правильно воспринять.

Мари села, приготовившись к худшему. Лили налила ей бокал розового вина.

– Мы тебя любим, ты это знаешь, и папу мы тоже любим. Но вместе вы больше не монтируетесь...

– ...

– Видели бы вы себя со стороны! Можно подумать, парочка немощных стариков. И если кто-то из вас открывает рот, то только лишь для того, чтобы осыпать бранью другого. Это глупо, наконец. Впрочем, все об этом говорят.

– И кто же эти «все»?

– Например, бабуля с дедулей. Они все время задают себе вопрос, как это вы еще не поубивали друг друга. И тетка тоже. А мадам Морель, ты ее знаешь, мать Максима, так она говорит, что у тебя очень несчастный вид.

– Мать Максима?

– Ну да. Короче говоря, все так думают. Почему бы вам не развестись?

Мари залпом выпила вино и постаралась дать более или менее вразумительный ответ. Но ничего не приходило в голову.

– И потом, тебе ведь известно, что папа обманывает тебя? – продолжила Жюстина.

– ...

Лили жестом остановила сестру и обняла мать за плечи.

– Ладно, Жю, хватит, ты и так много всего наговорила.

– Нет, нужно, чтобы она это знала. Видишь ли, мамочка, у меня нет никакого желания причинить тебе боль. Просто я хочу, чтобы ты была счастлива, я не слепая и вижу, что тебе плохо, и я думаю, что ты достойна лучшей участи, тебе рано ставить на себе крест.

– Спасибо, моя дорогая, за твою доброту, – ответила Мари улыбаясь.

– Может быть, без папы ты наконец начнешь следить за собой, – сказала Лили, бросив взгляд на экран телевизора. – Пойдемте в гостиную, уже начинается.

До этого разговора у Мари никогда не возникало мысли уйти от Родольфа. Она страстно любила его. Она познакомилась с ним на заре жизни, едва выйдя из подросткового возраста. Он был солистом в одной рок-группе и решил избрать эту профессию, потому что однажды увидел по телевизору репортаж о том, что рок-музыканты оказывают сногшибательное действие на девушек. Он отрастил волосы и юношеский пушок на лице, а мужественности голосу придал с помощью сигарет «Голуаз» в голубой пачке. Она же была самой строптивой в классе и носила разодранные кухонным ножом джинсы с грубыми ботинками-мартинсами, которые искусственно состарила, потеряв о стенную штукатурку. Они впервые поцеловались на концерте американской рок-группы «*Nirvana*» и занялись любовью под «*Scorpions*». Он посвящал ей свои песни, а она вырезала их имена на стволе дерева; он подарил ей свой браслет-цепочку, а она познакомила его со своими родителями. Он взял ее с собой в Овернь, а она сказала ему: «Я буду любить тебя всю жизнь». Они сняли квартиру, и она забеременела, он сделал ей предложение, а она оставила учебу. Потом он распрощался со своим микрофоном, и она разочаровала его.



Прижавшись лбом к иллюминатору, Мари смотрела, как взлетная полоса ускоряет свой бег. Произошел отрыв. Самолет поднялся в воздух. Начало положено. Она одна, и теперь она сама будет распоряжаться собственной жизнью. Черт возьми, она и не предполагала, что это может так возбуждающе действовать на нее!

– Помогите мне, я умираю!

Сидевшая рядом с ней шестидесятилетняя женщина вцепилась рукой в ее бедро.

– Вам плохо, мадам?

– Мне очень плохо! Я хочу выйти!

– Думаю, это было бы возможно при условии, что у вас есть парашют.

– Мне сейчас не до шуток!

– Извините, мне просто хотелось отвлечь вас от мрачных мыслей. У меня есть таблетки от страха. Хотите одну?

Ее соседка нервно теребила дрожащей рукой камею, висевшую на шее.

– Я специально не взяла их с собой, опасаясь побочных эффектов. Но думаю, что хуже этого ничего не может быть.

Если бы она знала, как ошибалась...

2

Самолет приземлился, но Анна, похоже, все еще парила в воздухе.

– Это было феерично, не правда ли?

Мари прятала в сумку книжку и ежедневник. Они ей не понадобились во время полета: таблетки от страха трансформировали ее соседку в болтливую собеседницу, и Мари в течение всего путешествия слушала несмолкаемые восторги относительно удивительных облаков, фантастических птиц, восхитительного кофе и величественных крыльев самолета.

Она скорее показалась Мари симпатичной, время прошло быстро, но иногда ее охватывало искушение предложить соседке еще одну таблетку, которая отправила бы ее в объятия Морфея.

Анна энергично помассировала бедра – ноги затекли за время долгого сидения.

– Спасибо за таблетку, – сказала она с блаженной улыбкой на лице.

– Рада, если она вам помогла.

– Я даже не спросила вас... Как это невежливо с моей стороны. Вы прилетели в Марсель в отпуск?

– Да, если можно так сказать.

– Я тоже. Решила отправиться в морской круиз. Три месяца на судне, и это при том, что я страдаю морской болезнью. Глупая затея, не правда ли?

Мари расхохоталась.

– Думаю, мы с вами выбрали один путь.

– Неужели? Значит, вы тоже отправляетесь в путешествие под названием «Вокруг света в одиночестве»?

– Да. Надо же, какое удивительное совпадение.

– Действительно, это довольно забавно. Случай...

– Ну, что же, желаю вам хорошего путешествия. Может быть, встретимся на лайнере.

– Вам тоже всего хорошего. Желаю найти то, что вы искали.

Выйдя из аэропорта Марселя, Мари глубоко вздохнула. Воздух здесь ничем не отличался от парижского, однако в нем витал аромат свободы. Повинуясь привычному рефлексу, она сунула руку в сумку за телефоном, чтобы предупредить дочерей о том, что первый этап прошел нормально. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить: она не взяла его с собой. С телефоном она все время чувствовала бы себя на связи: сообщала бы о себе все новости и интересовалась тем, как идут дела у девочек. Но ей хотелось полностью отключиться от привычного мира. В случае необходимости дочери знают, где ее найти. А все остальное может подождать, пока она не определится, в каком направлении двигаться дальше по жизни.

Когда она позвонила своему оператору сотовой связи, чтобы сообщить, что разрывает с ними договор, он спросил, не собирается ли она перейти в другую компанию. Мари в ответ разрыдалась и поняла, что тянуть с отъездом больше нельзя.

У шофера такси был странный говор, сочетавший в себе южные и северные нотки.

– Вы здорово нагрузились для кругосветки, – сказал он, смотря на нее в зеркало заднего вида.

– Путешествие продлится три месяца, именно поэтому я захватила побольше вещей.

– Целых три месяца? С ума сойти! Вы не боитесь умереть от скуки за три месяца на корабле?

– Это кругосветное путешествие в одиночестве.

– Ничего не понимаю...

Мари улыбнулась и вытащила наушники из ушей. Судя по всему, и в такси ей не удастся побыть наедине с собой.

– Так и быть, я вам сейчас объясню. Кругосветное путешествие – в этом нет ничего нового. Круизы бывают ежегодно. Но то, в которое я собралась, являет собой новую концепцию. За сто дней мы пересечем семь морей, побываем на пяти континентах и посетим более тридцати стран.

– О, понял! Вы любите путешествовать. Но почему в одиночестве? На лайнере полно людей. Все что угодно, но только не одиночество!

– Новизна концепции заключается именно в этом. Это первая кругосветка подобного типа. Видите ли, все пассажиры одиноки.

– Да-да, я что-то видел по телевизору! Это нечто вроде матримониального агентства, ведь так? В каютах, думаю, все и будет происходить. Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать.

Шофер расхохотался во все горло, да и Мари не смогла удержаться от улыбки.

– Все как раз наоборот. Круиз задуман для людей, которые хотят побыть в одиночестве. В правилах даже есть запрет на интимные отношения между пассажирами.

– А если такое все-таки произойдет, что они с вами сделают? Выбросят за борт? К акулам в море?

– Вполне может быть. Во всяком случае, думаю, это охладит пыл тех, кто отправился в путешествие ради того, чтобы найти любовь. Короче говоря, всех нас объединяет одна цель: вновь обрести себя.

– А зачем? Для чего вам все это? Честно говоря, вы еще очень ничего для вашего возраста!

Мари уже рыдала от смеха.

– Спасибо за комплимент! Я только что рассталась с мужем, мне нужно побыть одной, определиться с выбором жизненного пути. Мне всегда хотелось совершить кругосветное путешествие, а вот у моего мужа никогда не было такого желания. И когда я увидела в витрине туристического агентства объявление, я решила сразу взять быка за рога.

Шофер с остервенением нажал на сигнал.

– Ну, давай же, ублюдок, езжай! Надеешься, что знак «стоп» загорится зеленым? Скажите, а что вы будете делать, если влюбитесь?

– Такого никогда не произойдет. Влюбляешься, когда чувствуешь себя свободным, но это не мой случай.

– Знаете, не вам решать. Любовь – это как землетрясение. Сопротивление бесполезно.

– Остановитесь здесь, пожалуйста, кажется, я приехала.

Что касается собственного сердца, Мари рассчитывала оставить его при себе. В последний раз, когда она доверила его другому человеку, ей вернули его в очень плохом состоянии. Из этого она сделала вывод, что люди плохо относятся к тому, что им не принадлежит, и она решила упаковать свое сердце в плотную оберточную бумагу и положить его в самый дальний ящик. Она не чувствовала необходимости быть вдвоем, чтобы стать счастливой. Ее жизнь больше не сводилась к тому, что счастье возможно только в том случае, если ты не одна. В жизни, разумеется, есть много всякого разного, чем можно заняться, помимо любви.

– Видите, вон там, внизу, желтая труба? – спросил шофер. – Это ваш лайнер!

Она ничего не ответила: она торопилась навстречу новой жизни.

3

– Здравствуйте, мадам, меня зовут Арнольд. У вас есть посадочный талон?

Мари протянула документ человеку в белом кителе, стоявшему у трапа, и почувствовала себя крошечной по сравнению с громадой лайнера. Роза, наверное, ощущала то же самое, ступив на палубу «Титаника». Лишь бы ее судьба обошла Мари стороной.

– Каюта 578, палуба «А». Добро пожаловать на «Феличиту», мадам Дешан!

Холл был громадных размеров и, с точки зрения Мари, выглядел несколько вызывающе, слишком в духе Лас-Вегаса. Но погружение в иную реальность было полным. Мраморный пол, позолота, несоразмерно огромные хрустальные люстры, застекленные лифты, поднимающие пассажиров на головокружительную высоту, стены, покрытые растительностью, разноцветные ковры, вездесущий свет – все было сделано для того, чтобы путешественники сразу почувствовали себя в сказке.

До этого момента летний отдых для нее ограничивался поездкой в семейное гнездо в Овернь. На протяжении двадцати лет каждый год 1 августа они загружали свой минивэн чемоданами и коробками и отправлялись ночью в путь, чтобы избежать пробок и жары. Их встречали брат Родольфа, его жена и их сын, и все вместе они проводили две недели, считая дни, чтобы отправиться в обратный путь. А Мари всегда мечтала побывать в других концах света, каждый раз открывая для себя что-то новое. Однажды в супермаркете она, не очень рассчитывая, что ей повезет, приняла участие в розыгрыше путешествия в Мексику. И выиграла! Она до сих пор помнила реакцию Родольфа, когда тот обнаружил под скатертью обеденного стола путевки, которые она спрятала, чтобы устроить ему сюрприз.

– За них, наверное, можно выручить кучу денег. Думаю, ты разместишь их на «*Le bon coin*»¹.

– Может быть, все-таки поедем? – настаивала Мари. – Там столько интересного можно посмотреть, а пляжи – это просто райские уголки! Нам было бы так хорошо вдвоем! Ты только представь себе...

– И когда ты, глупышка, хочешь, чтобы мы поехали? Ты отдаешь себе отчет в том, сколько у меня работы?

– А почему бы нам не поехать в августе? Ведь раз в жизни мы можем пропустить поездку в Овернь.

– Ты хоть соображаешь, что говоришь? – воскликнул он, швырнув в раздражении путевки на пол. – В нашем семейном доме только что переделали бассейн, и ты не хочешь даже посмотреть, как получилось. Если тебя чем-то не устраивает мой брат, так и скажи.

– Но ведь, кроме Оверни, мы нигде никогда не бывали. А мне так хочется попутешествовать. Если это из-за твоей фобии полетов на самолете, то я нашла отличные курсы по избавлению от этого...

– Хватит нести всякую чушь. И нечего меня упрекать в том, что я якобы боюсь летать на самолетах. Не делай из меня идиота. Дискуссия на этом завершена. Можешь вставить свои наушники.

Она вставила наушники и продала путевки на сайте. На вырученные деньги они купили плазму в их спальню в Оверни, новые шины для минивэна, и она начала собирать коллекцию дисков про путешествия, о которых могла только мечтать.

¹ Французский сайт бесплатных объявлений. – Здесь и далее прим. переводчика.



Стоя перед лифтом, Мари едва сдерживала нетерпение поскорее увидеть свою каюту. Она чувствовала себя пятнадцатилетней девчонкой, подростком, только что освободившимся от родительского гнета. И если судить по царившему вокруг нее лихорадочному возбуждению, многие пассажиры пребывали в том же состоянии, что и она. Было много народу. Если судить по рекламному проспекту, в путь должны были отправиться около тысячи путешественников самых разных национальностей. Среди них были молодые и не очень, люди постарше и совсем старики; некоторые улыбались, другие же были охвачены волнением; одни куда-то торопились, другие чувствовали себя потерянными; у кого-то был самоуверенный вид, у других – пресыщенный; кто-то без умолку болтал, кто-то нервничал. Все они были разными, но одна общая черта их объединяла: они были одиноки. А ввиду того, что всем другим путешествиям они предпочли именно этот круиз, можно было поручиться, что большинство из них были разведены, или вдовцы, или разочаровавшиеся люди. Одним словом, потерпевшие крушение в жизни, как и она. Сосуществование с людьми, оказавшимися в той же ситуации, внушало некоторую уверенность в себе. Будучи одинокой, Мари чувствовала себя среди своих. И это было противоположно тому, что она ощущала, живя бок о бок с Родольфом.

Лифт подвез ее вместе с толпой других пассажиров на палубу «А». Вдруг она услышала знакомый голос:

– О боже мой! Боже мой!

Анна, стоя на одном месте, вращала головой во все стороны, пытаясь определить, куда ей идти.

– Анна, все хорошо?

– О боже мой, какое счастье, Мари, что я вас встретила! Я совсем растерялась среди всего этого народа, у меня даже дыхание перехватило, – сказала она, вцепившись ей в руку.

– Номер вашей каюты?

– Пятьсот двадцать три. Мне сказали, что это здесь, но холлы такие огромные, что я чувствую себя совершенно сбитой с толку!

Мари, следуя за указателями, подвела Анну к ее каюте.

– Посмотрите, – сказала она, – моя каюта рядом. Если вам что-то понадобится, не стесняйтесь, обращайтесь ко мне.

– Спасибо, вы – само очарование! Я не хотела бы злоупотреблять вашим временем, но...

– Да?

– Вы бы не согласились поужинать сегодня со мной? Мне нужно расставить все точки над «i», чтобы прийти в себя. Я совершенно потеряла голову от всех этих новшеств.

– С удовольствием. Но дайте мне немного времени, мне нужно кое-что сделать, – ответила Мари, направляясь в свою каюту.

Каюта 578 оказалась даже больше, чем на фотографиях рекламных проспектов. Она понравилась Мари с первого взгляда, и она сразу же решила, что здесь ей будет хорошо. Двухспальная кровать, покрытая толстым голубым одеялом, белый письменный стол со стулом, двухместная софа, шкафы, телевизор на тумбе, прикроватный столик с лампой, душевая кабина, маленький холодильник, кофемашина «*Tassimo*» и, в довершение ко всему, застекленный балкон с шезлонгом, столиком и двумя стульями. Это последнее дополнение стоило ей немалых денег, но сбережения дали ей возможность позволить себе эту роскошь.

Когда родились Лили и Жюстина, Родольф предложил ей посвятить себя семье. Первые годы она купалась в счастье. Наблюдать за тем, как росли ее дочери, было радостью для нее, и она отдавала себе отчет в том, как ей повезло.

Когда девочки пошли в школу, в ежедневную жизнь вторглась скука. Мари начала просматривать в газетах объявления о приеме на работу и наводить справки о том, как продолжить обучение. Но Родольф придерживался другого мнения и сумел подчинить ее своей воле.

Видя, что лезть («Конечно, ты достойна большего»), внушение чувства вины («Неужели ты можешь доверить воспитание дочерей чужим людям?») и оскорбления («Бедняжка, ты даже не получила высшего образования!») только на короткое время отвлекли Мари от ее планов, он решил поставить окончательную точку, предложив ей аргумент, на который она не нашлась что ответить. «Каждый месяц я буду перечислять определенную сумму денег на твой банковский счет. Если тебя волнует вопрос личных денег, то он таким образом будет решен. Если тебе просто скучно, то у тебя будут деньги, чтобы развлечься». Она ни разу в жизни не притронулась к этим деньгам, и ее счет ежемесячно пополнялся. Родольф часто упрекал ее, что она ничего не тратит, но она пожимала плечами, а что касается других людей, то у нее не было никакого желания объяснять им, почему муж якобы не дает ей денег. Однако, решив отправиться в кругосветное путешествие, она нашла достойное применение накоплениям. Теперь Родольф может гордиться ею.

В дверь постучали. Стюард принес Мари ее чемоданы. В одном из них, зеленом, было все самое необходимое; она положила его на кровать, расстегнула молнию и вынула несколько вещей. Потом вышла на балкон и села в шезлонг. Для конца декабря стояла хорошая погода.

Пейзаж вдруг оживился: лайнер начал маневрировать, выходя из порта. Она глубоко вздохнула, вставила наушники, включила Жан-Жака Гольдмана², положила на колени клубок шерсти и улыбнулась, перебирая спицами.

² Один из самых известных французских авторов-исполнителей. Начал записываться в середине 1970-х, однако пика популярности достиг в 1995 году, когда написанный им для Селин Дион альбом «*D'eux*» был признан самой продаваемой французской язычной пластинкой в истории. Помимо Дион, его песни исполняли Джонни Холлидей, Патрисия Каас, Патрик Фьори и др. Родился в 1951 году.

4

– Вы восхитительны, Мари! Я с трудом вас узнала.

Мари улыбкой ответила на комплимент Анны.

– Я даже не знаю, как воспринимать ваши слова. Большое спасибо, Анна, вы тоже прекрасно выглядите.

Мари сменила дорожный костюм на черные брюки и пуловер цвета восточной хурмы, подкрасила ресницы и высоко завязала конский хвост. На Анне был костюм того же покроя, что и днем, только другого цвета.

– Зачем вы взяли сумочку? – спросила Мари. Ведь вам не понадобятся деньги, все оплачивается картой «Феличита».

– Знаю, но у меня в ней телефон. Я жду звонка.

– Хорошо. В каком ресторане вы предпочитаете поужинать?

Анна пожала плечами.

– Понятия не имею. Я чувствую себя абсолютно потерянной на этом огромном судне. Кажется, здесь несколько ресторанов?

Сама Мари чувствовала себя как рыба в воде. Несколько раз перечитав «Правила поведения на борту» и внимательно изучив план судна, она почти впечатала все это в свой мозг; это было несложно, потому что на протяжении многих лет неизвестное и новое уж точно не являлись частью ее жизни. Кроме того, она была из тех организованных женщин, которые привыкли все держать под контролем. Итак, она знала, что на лайнере пять ресторанов, один супермаркет, кинотеатр, несколько бутиков, библиотека, парикмахерская, бассейны, дополнительное одеяло в ее каюте, телефон на ресепшене, бригада врачей-полиглотов, морг; ей также были известны программы каждой из остановок, лица основных членов экипажа, длительность переходов между городами и меню каждого ресторана.

– Испанский ресторан мне внушает большое доверие, – сказала она. – Я читала, что у них отличная паэлья.

– Во всем полагаюсь на вас. Тем более что у меня уже целую вечность и крошки во рту не было. К тому же у них наверняка подают сангрию. Это будет великолепно.



Сидя на скамьях за большим общим столом, Мари и Анна приступили к их первому вечеру на борту лайнера. Совместная трапеза, особенно если она состоит из мидий и креветок, которые нужно очищать руками, способствует завязыванию связей. Пассажирам понадобилось немного времени, чтобы начать разговоры с соседями по столу. Позади себя Мари расслышала несколько слов, показавшихся ей немецкими, справа от нее говорили по-английски, а чуть поодаль слышалась то ли итальянская, то ли испанская речь. Мари всегда путала эти два языка.

В последний раз она говорила по-итальянски вне стен школы в далеком детстве. Ей было восемь лет, когда она с сестрой и родителями провела несколько дней в Италии в кемпинге. Ей так понравилось открывать для себя новую культуру, что она испещрила черновиками все девяносто шесть страниц общей тетради, пообещав себе, что будет путешествовать. Она отчасти сдержала обещание: собрала целую коллекцию DVD про путешествия.

– Неужто вы француженки?

Роскошная брюнетка с шумом высасывала сок из головы креветки.

– Вы не представляете, как приятно услышать французскую речь! А я уж было решила, что здесь одни иностранцы. Мало того что здесь полным-полно стариков, а если бы они к тому же не говорили по-французски, я бы за борт выбросилась. Кстати, меня зовут Камилла.

– Да, я француженка, – ответила Анна, – но, боюсь, старовата для вас.

– Это лучше, чем ничего. Я не выношу одиночества.

Мари удивленно вскинула брови.

– Думаю, в таком случае вы ошиблись в выборе кругосветки.

– Да нет, все нормально! Я просто не поняла этого трюка с одиночеством, честно говоря. Я и рекламные проспекты не удосужилась внимательно прочесть, лишь пробежала глазами. Мне просто нужно было совершить кругосветное путешествие, и на этот период было единственное предложение.

– Нужно? – переспросила Анна.

– Ну да! У меня очень плотный график жизни: работа, друзья, счета... А мне, черт возьми, уже не двадцать пять! И тогда я решила взять отпуск и бросить вызов самой себе: в каждой стране буду заводить по любовнику.

Сидевший рядом с Мари седовласый мужчина чуть было не подавился кружком чоризо при этих словах.

– То есть вы будете заводить себе по любовнику в каждой стране? – переспросила Анна, четко выговаривая каждое слово.

– А что тут такого? Я, конечно, не хочу сказать, что собираюсь переспать с каждым встречным. Только в том случае, если он такой красавчик, что просто отпад. А если нет, то и поболтать будет достаточно.

Седовласый мужчина нервно ерзал, сидя на скамье. Мари так сильно обхватила рукой стакан, что побели пальцы.

– А кем вы работаете? – спросила она.

– Я управляю имущественными комплексами ряда предприятий в частном банке и имею дело только с крупными счетами. Это всегда всех удивляет. Наверное, у меня нетипичный психологический профиль для такого рода деятельности.

Мари поперхнулась сангрией, пытаясь сдержать усмешку, и прижала салфетку к губам. Анна прыснула, покачав головой. А Камилла, громко рассмеявшись, подняла стакан и произнесла:

– За наше кругосветное путешествие!

– За нашу кругосветку, – прозвучало ей в ответ.

После ужина они сидели в шезлонгах на верхней палубе, закутавшись в одеяла, которые прихватили из кают.

Камилла в деталях сообщила им о своих амбициозных планах. Анна спросила, не является ли комок, сформировавшийся в ее желудке, предвестником морской болезни, а Мари рассказала о сюрпризе, который она устроила своему мужу на день рождения.

Смотря на звезды, проплывающие над ее головой, она в полной мере осознавала, что с ней происходит. Она находится на борту лайнера посреди Средиземного моря, вдали от близких, вдали от привычных точек отсчета, рядом с шестидесятилетней страдальцей и молодой нимфоманкой.

Она могла бы испытывать страх, чувство вины, сожаление, она могла бы повернуть назад, аннулировать путевку, вернуться домой и жить дальше, как будто бы ничего не произошло. Но она не могла отказать себе в удовольствии дать захватить себя чувству, которое не испытывала с юности. Этим чувством была гордость за себя.

И в этот момент Анна вдруг расплакалась.

5

Мари слишком много выпила вчера вечером. И слишком много курила: две с половиной сигареты – более чем достаточно для некурящей женщины. Легкий стук в дверь вывел ее из сонного забытья. На световом табло телевизора высветилось семь часов утра. Мари легла спать около пяти часов назад, проведя вечер с Анной и Камиллой.

Она вылезла из-под одеяла, отметив, что не помнила, когда так крепко спала. Бортовая качка не мешала ей быстро заснуть и лишь увеличивала чувство свободы, которое не покидало ее с тех пор, как она ступила на борт круизного лайнера.

Накинув халат, она открыла дверь. Перед ней стояла Анна с заплаканными глазами и опущенными вниз уголками губ.

– Доброе утро, Мари. Прежде всего я хотела бы тебе сказать, что мне, в принципе, несвойственно изливать душу.

– Заходи. Извини, но я еще не успела одеться.

Анна покорно села на софу. Мари устроилась напротив на кровати.

– Я не спала всю ночь, – сказала Анна, глубоко вздыхая. – Мне кажется, я совершила непоправимую ошибку... Я разрушила свою жизнь.

– Именно поэтому ты плакала вчера вечером?

– Да. Я хотела все сохранить в тайне, я даже не осмелилась вам рассказать о том, что со мной произошло. Но я не могу больше все это носить в себе, мне нужно выговориться. Можешь ли ты оказать мне любезность выслушать меня?

– Разумеется! Хочешь апельсинового сока?



Нервно теребя в руках бумажный носовой платок, Анна открыла Мари душу.

Ей шестьдесят два года, сорок лет из которых она провела вместе со своим другом Домиником. Их связывало такое всеобъемлющее чувство, что они даже решили не заводить детей.

– Нам друг друга вполне хватало, ребенок стал бы третьим лишним.

Анна думала, что гармоничные отношения продлятся всю жизнь. Их союзу были незнакомы скандалы и ссоры, самое большее, что между ними случалось, – мелкие недоразумения, которые они тут же решали в ходе обсуждения. Они были образцом для подражания и часто повторяли, что им крупно повезло в жизни, потому что они нашли друг друга. Счастье в их понимании – это когда они были вместе.

Но несколько месяцев назад Доминик кардинально изменился. Всегда обычно веселый, он вдруг стал угрюмым. Дело в том, что его предприятие столкнулось с необходимостью вести борьбу с конкурентом, который «увел» самых крупных клиентов. И если бы Доминик не сумел остановить их отток, ему бы пришлось выставить своих сотрудников за дверь, а саму дверь запереть на ключ.

Самое страшное заключалось в том, что теперь у него совсем не было свободного времени – каждое мгновение его жизни было посвящено предприятию. Он просыпался, когда Анна еще спала, принимал душ, стараясь не шуметь, и уходил на работу, тихо прикрыв за собой дверь. Вечером он возвращался, когда она уже спала, и осторожно ложился под одеяло, чтобы ее не разбудить. А в те редкие моменты, когда они встречались, у него был отсутствующий вид и он витал где-то далеко. Он стал замкнутым, напряженным, раздражительным. Жизнь Анны наполнилась тишиной и тоской. Он чувствовала себя одинокой.

– Мне стало страшно. Мне осталось совсем немного до пенсии, которую я ждала с нетерпением, но тут вдруг она стала меня пугать. Какой будет моя ежедневная жизнь? На что она будет похожа? Чередование бессмысленных дней без него? В страшном сне я не могла такого представить. Это было невозможно! И тогда я решила заставить его реагировать, как-то проявить себя... У тебя есть «клинекс»?

– Нет, только туалетная бумага.

Сначала Анна решила вызвать Доминика на разговор. Именно совместная беседа была их сильной стороной, которой они помахивали, как флагом, когда у них спрашивали рецепт их долговременного союза. Она ему объяснила, что ей одиноко без него, что она даже не хочет уходить на пенсию, потому что на работе ее хотя бы окружают коллеги. Казалось, он ее понимает, он предпринял даже некоторые усилия, но надолго его не хватило.

Она больше не играла первую роль в его жизни. И в один из дней, когда в полночь его еще не было дома, она встала, сложила в чемодан его вещи, поставила его перед входной дверью, заперла ее, оставив ключ в замочной скважине, и легла спать.

– Быть такого не может, ты шутить! – воскликнула Мари.

– Я всего лишь хотела заставить его реагировать, и я даже не думала, что он воспримет все это таким образом. Я была уверена, что он позвонит в дверь или по телефону!

Но нет. Доминик взял чемодан и исчез. В буквальном смысле этого слова. Анна звонила ему тысячи раз, оставила ему столько же сообщений, часами ждала его возле офиса, и все тщетно. Он сообразовал дать о себе знать только через неделю. Он был разочарован – впервые в жизни он нуждался в ее поддержке, а ее в этот момент не было рядом с ним. А если к этому прибавить тот факт, что она всегда отвечала отказом на его предложения руки и сердца, то из всего этого следовало, что он «вообще не может ей доверять». Короче говоря, он сказал, что ему нужно время, пауза в отношениях, чтобы взвесить все «за» и «против».

Анна всхлипнула.

– Но на самом деле он прав: я была ужасна с ним. Я должна была бы сказать «да», когда он впервые предложил мне выйти за него замуж, но мне этого совсем не хотелось. Мне казалось, что это лишнее в нашем случае, что свадьба может что-то нарушить в нашей жизни.

– Он так и не вернулся?

– Подожди, это еще не конец!

Лишившись постоянного присутствия Доминика, Анна впала в мрачную тоску. Она не знала, что ей делать без него, да она и не хотела ничего делать. Будущего без него она не представляла, тем более что все о нем напоминало: песни, фильмы, запахи. Она страдала. И именно в этот момент она совершила «самую большую глупость в своей жизни», как она выразилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.